

Анна Пумкаре

12+

Феликс - Яемый сахар

2020

Анна Пушкарь
Феликс – Ясный сокол

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Пушкарь А.

Феликс – Ясный сокол / А. Пушкарь — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Перебирая старые вещи, Катя неожиданно находит свой забытый талисман - маленькое перышко. Она окунается с головой в воспоминания о событиях почти тридцатилетней давности: жаркое лето, первая любовь, чужая тайна, невольное предательство. И вслед за этим в жизни Кати, как по волшебству, раскрываются секреты...

Содержание

2016 год	5
1989 год	6
2016 год	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

2016 год

Крышка была закрыта неплотно. Все безумное содержимое коробки посыпалось на пол. Старые поблекшие открытки, лоскутки, пуговицы, заколки, камушки, бумажки-записочки, ключи и просто труха (видимо останки засушенных листьев и лепестков) – и над всем этим, медленно снижаясь, удивительно плавно парило в воздухе серое перышко.

«Феликс – Ясный Сокол!» – мгновенно вспыхнуло в голове у Кати. Мысль словно обожгла ее, она вдруг впала в какое-то мистическое оцепенение. Глаза неотрывно следили за перышком, в висках бешено стучало, казалось, сейчас, совсем как тогда, как только перышко коснется пола, появится он – красивый мальчик Феликс из соседнего дачного поселка.

Катя чихнула и пришла в себя. Какой мальчик? Тридцать лет прошло без малого. Наверняка уже дядька с пузом. Ну, может быть, без пуза, но все равно дядька под полтинник.

И все-таки удивительно, что перышко сохранилось. Катя взяла его за острый кончик, поднесла к лицу, и провела пушистым краем по правой щеке. Как приятно, хоть и щекотно, и пахнет пылью. Может быть, стоит поискать в Интернете? Тогда он пропал, исчез так внезапно, как и появился, почти как в сказке. Невозможно было ничего сделать, никаких соцсетей, она даже фамилию его не спросила.

А она чуть не умерла от горя... Так ей тогда казалось в 13 лет, что она вот прямо возьмет и умрет сейчас от этого невыносимого горя...

1989 год

Вот уже неделю Катя жила на даче с отцом, мачехой – тетей Светой и ее дочерьми. Мама покинула Катю – до самого конца июля уехала в экспедицию куда-то на север Западной Сибири. Правда, обещала, что в конце августа и начале сентября отвезет Катю в Крым, в Коктебель. «Только подумай, кисуля, бархатный сезон, пляж, где гуляла Анна Ахматова! И в школу пойдешь на целых две недели позже!» Мама очень хотела поехать в эту экспедицию, она была увлеченным геологом – из-за этого они с отцом и расстались. В этот раз Катю взять с собой она не могла, поэтому отвезла к отцу.

В общем, все складывалось не так уж и плохо. Тетя Света – добрая и очень домовитая женщина – совсем не напрягала Катю. Ее дочери, на Катин вкус, были простоваты. Лике исполнилось 14, а Маргоша была младше Кати на полгода. Сфера их интересов распространялась в основном на американские видеофильмы с Патриком Суэйзи и Томом Крузом, журналы «Бурда Моден» и, естественно, мальчиков, в основном соседей дачников... но, честно говоря, Лике нравился один местный. Ему было уже 17, он ездил на мотоцикле и чем-то напоминал Патрика Суэйзи и солиста шведско-норвежской группы «А-ха».

Лика была звездой компании детей-дачников. Девочки-дачницы составляли ее свиту. Мальчики (их было трое: местный герой-мотоциклист, конечно, не в счет) были в нее влюблены. Себя Катя к свите не относилась, держалась особняком и немного дичилась мальчишек. Она любила книжки и читала запоем, часто в ущерб гулянью. Тем не менее, ей совсем не были чужды темы кройки и шитья новых моделей из «Бурды», она с удовольствием смотрела «Грязные танцы», клип «Take On Me» ей также очень нравился.

Папа уезжал рано утром на работу, а возвращался к ужину. Катя немного ревновала его. Когда они жили с мамой, у них не было дачи. Отдыхать все вместе ездили на море. А так большую часть летних каникул мама была в экспедиции, Катю или брала с собой, или оставляла с папой и бабушкой. Потом бабушки на стало, а другая бабушка жила далеко в закрытом городе и тоже увлеченно где-то работала, поэтому Катя оставалась только с папой, и они принадлежали друг другу безраздельно. Им всегда было о чем поговорить – папа преподавал историю в институте, а также был сведущ в литературе, готовил он, на Катин вкус, гораздо лучше мамы и их совместные вечера были просто волшебными.

Многое из того, что нравилось читать Кате, было не по ее возрасту, в том числе и педагогическая литература, но это обогащало ее кругозор и развивало интеллект. О детской ревности она узнала из статьи в журнале «Семья и школа», когда родители еще не развелись, и поэтому позже сама заметила, что ревнует отца к новой семье. Она стыдилась своей слабости, но ничего не могла с собой поделать и даже злилась на мать за то, что та настолько легко отнеслась к разводу и женитьбе отца.

Так или иначе, редкие моменты, когда внимание отца доставалось не тете Свете, Лике и Маргоше, а исключительно ей – Кате, Катя смаковала особенно. Словно вино из одуванчиков, она заливала их в волшебные пузырьки и плотно запечатывала, чтобы как-нибудь на досуге открыть и насладиться сладкими мгновениями в одиночестве.

– Ну, дочери мои милые, дочери мои любезные, что привезти вам из города Москвы? – весело спросил отец и подмигнул Кате. Катин сердечко затрепетало. Ведь только она могла понять его намек на «Аленький цветочек», значит, папа обращался к именно к ней, ожидая, что она попросит нечто особенное. По чести сказать, он метил прямо в цель. У Кати кончились все книжки, и она уже перечитывала старые журналы и газеты, которые нашла в кладовке, просто чтобы как-то унять книжный голод.

Ли́ка попросила новый номер «Бурды» и кассету с фильмом «Придорожное заведение». Папа заметил, что фильм этот, скорее, для мальчиков, но пообещал раздобыть. Маргоша очень хотела пять бутылок «Фанты». Ну если не «Фанты», то лимонаду, хотя лимонад можно было купить и в местном гастрономе в деревне. Сошлись на апельсиновой жвачке.

Катя не удержалась, и, хитро улыбаясь, сказала:

– Привези ты мне, батюшка, перышко Финиста – Ясна сокола.

– То есть не цветочек аленький, которого краше нету во всем белом свете, а перышко? – переспросил отец.

– Да. Перышко, – подтвердила Катя. – Ну и еще книжек разных хороших, а то читать совсем нечего.

– Что ж. Задала ты мне задачку, Катеринушка, – засмеялся папа. – Ну, так и быть, раздобуду тебе перышко Финиста – Ясна сокола.

С этим отец уехал в командировку, а, пока его не было, «дочери неразумные» не вняли завету «жить в любви и согласии».

Однажды вечером компания дачных детей, по своему обыкновению, собралась на лавочке возле забора Ли́ки и Маргоши. Поскольку Кате занять себя было нечем, она к ним присоединилась. Вначале пришли только девочки, потом, после вечернего полива огородов, подтянулись и мальчишки. Решили идти на берег реки.

Вечер обещал быть приятным. Ли́ка была в прекрасном расположении духа. Ей представилась возможность «выгулять» новый собственноручно сшитый сарафан. Девочки восхищенно ахали, мальчишки завороженно краснели и пытались разными способами привлечь внимание своей «Королевы». Кто-то рассказал действительно очень смешной анекдот, и все долго смеялись. Кто-то небрежно упомянул о возможности посмотреть «Дикую орхидею» (когда родители уедут на работу, а бабка уйдет в гости к подружке). Почему-то Кате было просто хорошо. Ли́ка на самом деле ей нравилась и нравилось то, что в Ли́ку влюблены все мальчишки. Катя считала это вполне естественным, поскольку в Ли́ке было много живой энергии и настоящего девичьего очарования, вот если бы у самой Кати его было хоть чуточку больше...

Компания расположилась на высоком обрыве. Комары и мошки еще не беспокоили, ласточки-береговушки кружились довольно высоко. Солнце опускалось над противоположным берегом. Горизонт розовел, обещая ветер на следующий день.

Издалека послышался треск мотоциклов. Ли́ка сразу же напряглась, и общий разговор расклеился. Местные подъехали на своих чудо-мопедах во главе с героем ликиных грез. Он был на настоящей «Яве», сверкающей хромированными деталями и алыми крыльями. Его звали Михаил, он действительно, как тогда говорили, «косил» под Патрика Суэйзи и демонстрировал загорелые (не перекачанные, а такие, как надо) бицепсы и трицепсы, доверху закатав рукава клетчатой рубашки. Из-под рубашки, завязанной узлом на животе, выглядывала белоснежная майка, пояс перетягивал армейский ремень с блестящей пряжкой, а тугие голубые джинсы были заправлены в «казаки». Это в деревне-то!!! Катя (как, впрочем, и все городские девочки) мгновенно «заценила» прикид. К ее стыду, он не оставил ее равнодушной. Чтобы как-то отвлечься, она начала размышлять, откуда у бедного крестьянина среднерусской возвышенности сапоги американского ковбоя. Возможно, он сын председателя колхоза? А председатель может оказаться и депутатом Верховного совета. А возможно, «Патрик» украл их у кого-то из дачников? Хотя почему сразу украл? Вон и в «Грязных танцах» все плохо думали про Джонни, а Джонни был большим артистом и благородным человеком, хоть и пролетарием.

Какое-то время Катя размышляла, а потом вдруг заметила, что Михаил смотрит прямо на нее, подмигивает и слегка поводит головой, словно приглашает к себе на мотоцикл. Ужас сковал ее, будто кролика перед удавом. Она с трудом перевела взгляд на Ли́ку и впала в отчаянье, потому что Ли́ка тоже все это видела и теперь глаза ее метали молнии.

– Ну, что девчонки, поехали покатаемся что ли, – уже в сторону Лики бросил довольный произведенным эффектом Михаил. Немного попрепивавшись для вида, Лика уселась на мотоцикл. Даже в таком состоянии Катя не могла не отметить, как хорошо они смотрятся: нарядная Лика в новом сарафане и местный Патрик на блестящем мотоцикле.

Несколько девчонок из свиты последовали примеру своей королевы и присоединились к парням на мопедах. Остальные, включая Катю и Маргошу, чуть погода уныло разбрелись по домам.

Весь следующий день Лика третировала Катю. С середины дня к ней присоединилась Маргоша. В конце концов, дошло до того, что тетя Света сделала дочерям замечание. Вечером Катя не пошла с ними гулять и, к огромному удивлению тети Светы, даже вызвалась поливать огурцы.

– Деточка, но сегодня полива не будет, – с искренним сожалением и надеждой, что чудо повторится завтра, сообщила тетя Света. Пришлось Кате икать себе другие занятия, но в общем ей было тоскливо. Она с нетерпением ждала возвращения отца.

Лика долго не злилась. Видимо она получила достаточно знаков внимания от своего кавалера, чтобы Катя перестала вызывать у нее раздражение, и страсти на время улеглись. В субботу утром вернулся отец.

Маргоша визжала от восторга, потому что получила и Фанту, и жвачки, и пучок разноцветных резинок для волос. Лика получила журнал и кассету. Катя подозревала, что смотреть ее она будет с Михаилом, но это было неважно. Важно было, что отец привез ей. Она совсем не ожидала, что это будет перышко. Но папа не был бы папой, если бы поступил по-другому.

Вначале он действительно выдал ей настоящее перышко. Почти невесомое оно устроилось у нее на ладони и почему-то казалось живым.

– К перу прилагалась инструкция, – сообщил отец, выкладывая на стол из большой спортивной сумки несколько книг. – Вот.

Он протянул Кате книгу «Сборник произведений русский фольклора».

– Тут былины, сказки и песни, не адаптированные, то есть не для детей. Думаю, тебе будет интересно. Там хорошие примечания... Андрей Евгеньевич посоветовал еще это.

Жестом фокусника отец извлек из сумки еще и словарь русской лексики XIV-XVII веков.

– Ну, а это тебе от меня, – следом на стол легли три коричневых увесистых, прямо говоря, толстых тома «Граф Монте-Кристо» издания 1933 года.

Катя чуть не расплакалась от счастья. Это были поистине царские подарки. Лика посмотрела на нее снисходительно, Маргоша участливо угостила «Фантой» и подарила ярко-розовую резинку для волос.

Естественно, «Русский фольклор» был отложен «до лучших времен», поскольку «Граф Монте-Кристо» вызвал продолжительный и тяжелый читательский запой.

Катя забывала про завтрак, обед и ужин, не ходила гулять, а чтобы Лика и Маргоша не приставали, вытягивая ее на прогулки по спецзаданию тети Светы, она пряталась в дальнем углу участка, где были заросли старых фруктовых деревьев и сохранилась какая-то древняя временка или парник, и читала там до самой темноты, часто в сумерках с фонариком. Соседний участок за забором пустовал, и в Катином «медвежьем углу» было тихо. Вначале комары вынуждали Катю возвращаться в дом с наступлением сумерек, но потом она приспособилась и стала брать с собой толстые фланелевые штаны и кофту, чтобы к вечеру переодеться, а также откопала в старье две керосиновых лампы и приспособилась их зажигать, чтобы улучшить освещение.

В общем, скучная дача неожиданно превратилась в райский уголок.

Книжку Катя закладывала перышком.

Однажды, примерно в тот момент, когда чудом вырвавшегося из замка Иф Эдмона Дантеса подобрали в море контрабандисты, перышко соскользнуло со страниц книги и спланировало куда-то на пол. Катя сразу не заметила куда, а когда опустелись сумерки, нигде на освещенных участках пола его не было.

Досадно. Перышко стало Катиным другом и единомышленником. Оно сохраняло ее интерес, отделяя уже известные события от тайны непрочитанного, служило границей и ориентиром. И потом, оно все еще казалось немножко живым.

Катя подкрутила лампы поярче и принялась шарить лучом фонарика по полу.

– Не это ли ты ищешь, красавица? – услышала она за спиной незнакомый молодой мужской голос. И честно говоря, ей показалось, что волосы на голове зашевелились и попытались встать дыбом. В экспедициях с мамой она иногда ночевала в палатке в степи и в лесу. По ночам там мало приятных звуков, а бывают и совсем жуткие. Но это все крики птиц или животных, может быть, шорох змей, и кругом есть люди – мужчины с оружием, да и мама рядом. А здесь? В моменты испуга Катя теряла голос и не то, что кричать, даже пикнуть не могла. Ломиться через окно времянки и заросли старых деревьев к дому – сомнительно, что успеешь. А вдруг это маньяк?

Катя все-таки заставила себя обернуться. Незнакомец стоял возле входа, не заслоняя его. В правой руке он держал Катино перышко. На вид ему было лет 18, может меньше. Очень симпатичный, если не сказать больше. Катя тут же вспомнила, что на ней халат, из-под которого торчат фланелевые штаны, а сверху старая растянутая кофта, и голова грязная – все недосуг помыть.

– Не бойся меня, – сказал он. – Я не местный.

– С-слабое утешение, – откликнулась Катя, заикаясь.

– Я Феликс. А ты?

– Катя.

Она потянулась, чтобы забрать перышко, но он быстро заложил его себе за ухо и пожал ее протянутую ладонь. Рука была сухая и приятно прохладная.

– Отдай, – попросила Катя, кивая на перышко.

Он улыбнулся и покачал головой:

– Потом.

Катя осторожно отняла руку. Феликс не удерживал.

– Ты на нашем участке, – вспомнила она. Нахмурилась и изобразила недовольство. На самом деле ей все еще было страшно.

– Разве? Мне показалось это времянка заброшенной дачи. Тут забора нет. А ты чего такая серьезная?

– Я тебя не знаю. С какой ты улицы?

– Расслабься. – Он снова улыбнулся. – Я из леса.

На Катю снова накатила волна предательского страха. Он еще и издевается. Закричать? Она открыла рот, но связки не послушались.

– Слушай, ну правда, не бойся, – Феликс вдруг взял ее за обе руки. – Вон у тебя даже ладошки заолодели. Ты тут почти каждый вечер читаешь. Я и решил познакомиться.

Катя дернулась, неловко оступилась и опрокинула керосиновую лампу, которую оставила на полу. Керосин потек, загорелся, и если бы Феликс быстро не накрыл огонь своей курткой-варенкой, то неизвестно чем бы все закончилось – во времянке было полно сухого мусора, готового вспыхнуть.

Он еще потоптался на куртке для верности, и Кате стало стыдно. Хорошую вещь испортил из-за нее.

– Прости пожалуйста, – жалобно проблеяла она.

– Да ничего, сам виноват, напугал тебя, – он поднял куртку и удрученно рассматривал подпалину и пятна от керосина.

– Я попрошу у папы денег...

– Да ерунда, говорю тебе. Не вздумай просить.

Катя вздохнула.

– Ладно, я тебя прощу, если ты мне расскажешь, почему сидишь тут одна с книжками.

– Читать люблю.

– А подружек у тебя нет?

– Почему, есть. Но мои настоящие подружки в городе... сейчас все разъехались. У меня тут только как бы сестры.

– Ага, и у вас тут как бы разные интересы.

– Ну да. Ты ведь тоже не с компанией. Бродишь тут в темноте, людей пугаешь, – осмелела Катя.

– Вот и встретились два одиночества, да?

– Ага, даже костер разожгли.

Они одновременно рассмеялись.

– Отдай перышко, – попросила Катя, – мне его папа подарил.

– Забери сама, – предложил Феликс.

Кате стало неловко. Чтобы забрать перо, надо было провести по волосам Феликса, а это было так волнительно, он выглядел слишком взрослым и красивым.

– Если не хочешь, я уйду и больше не приду, – как-то невпопад вдруг сказал Феликс, и Кате показалось, что он огорчился.

– Нет, что ты. Ты спрашивал, что я читаю. Вот – «Граф Монте-Кристо»!

Они разговаривали еще долго. Феликс поведал, что не любит читать, но любит слушать истории. Катя рассказала ему завязку истории про Эдмона Дантеса, он заинтересовался. Они договорились, что Катя будет ему рассказывать самое интересное по ходу сюжета. Потом Феликс отчитал ее за то, что она сидит по вечерам совсем одна в пустынном месте, с удобными подступами для разных негодяев...

– Ведь хорошо, что это я тебя заметил. А если бы кто-то другой? – заключил он.

– Поняла, папочка, – засмеялась Катя. Она уже совсем его не боялась, хотя он так и не рассказал, откуда пришел.

Уже совсем стемнело. Надо было идти домой. Феликс вернул Кате перышко.

– Завтра придешь? – спросила она.

– Какпустишь перышко полетать, так и появлюсь, – ответил он.

Со стороны дома отец позвал: «Катерина! Домой!» Катя повернулась на голос и крикнула: «Иду!»

Когда она снова повернулась к Феликсу, он уже исчез, так же бесшумно, как и появился.

– Совсем я тебя выключил из жизни этой книгой, – посетовал отец, когда Катя выбрела из зарослей на свой участок.

Она обняла книжку и прижала к себе. Отец улыбнулся.

– А сокол как? Прилетает?

Уже второй раз за вечер Катя испытала мистический ужас. Она очень любила сказки, но по-настоящему никогда не верила в волшебство. Однако тут у нее впервые появилась мысль, что, может быть, папа слегка приколдовывает. Она открыла было рот, чтобы сказать: «Да, вот только сегодня прилетел», но осеклась. Мало ли что. Родители вышли у нее из доверия, когда развелись. Стало очевидно, что от них можно ожидать чего угодно, особенно того, чего вообще не ожидаешь никогда. Поэтому только буркнула:

– Соколы по ночам не летают.

– Ну да, ну да... – отец шутил, конечно, хотя, наверняка беспокоился – дочка подрастала. Утром Катя помыла голову. Чистые волосы не слушались, рассыпались, когда она пыталась закрутить их в ракушку. И совсем некстати Лика обратила внимание, что она дольше обычного крутится перед зеркалом.

– Золушка на бал собралась?

– Прямо нельзя и в порядок себя привести, – огрызнулась Катя.

– Ну до порядка, допустим, еще далеко...

– А что не так-то?

– Ногти, например.

Катя взглянула на свои пальцы – ничего особенного. Правда, ногти короткие, и кое-где под ними грязь, но зато не обглоданные, как у Маргоши.

– Ээх, – многозначительно вздохнула Лика и оттеснила Катю от зеркала.

– Можно подумать...

– Что-то мы разговорчивые сегодня. Книжка закончилась?

– Нет еще.

– Я вот поражаюсь, как ты можешь целыми днями читать.

– Ну а что мне еще делать? Местных завлекать?

Это Катя конечно сказала зря. Лика разозлилась. Но Катя остановиться почему-то не могла.

– Кстати, как поживает твой колхозник? – ехидно поинтересовалась она, уже предчувствуя беду.

– Завидно? Что ты понимаешь, мелочь пузатая? Вырастешь, будешь синим чулком, как твоя мать.

Это было обидно. Катя знала жизнь своей матери и знала, что многие мужчины пытались за ней ухаживать. Но мама больше любила полезные ископаемые. Ее романы быстро кончались, а полезные ископаемые на просторах родины не кончались никогда, и находить их было, видимо, интереснее, чем стоять семью.

Так или иначе, кроме банального: «Дура» возразить было нечего. И Катя отступила.

2016 год

Перышко опустилось на кучу мусора. Чуда не произошло. Катя громко чихнула от пыли, набившейся в нос.

Отец ушел так внезапно. Просто устал, присел на скамейку в зале ожидания на вокзале и умер.

Они с тетей Светой возвращались от Лики (гостили у нее в Германии), прилетели благополучно в Москву, приехали на вокзал, чтобы ехать домой, и вот. Катя даже не поняла сначала, кто и о чем ей говорит по телефону. Тетя Света, которую добрая фельдшер скорой накачала успокоительным, никак не могла сформулировать мысль, все останавливалась: «Катя... тут... папа... мы... прости меня, пожалуйста...» Как будто она была в чем-то виновата.

Ли́ка не приехала, так как недавно родила своего третьего (собственно, поэтому родители к ней и ездили). Маргоша много плакала. Помощи от нее было мало. Правда, муж Маргоши помог. Взял на себя оформление и крематорий. Сама Катя на время похорон и поминок словно одеревенела и ничего не чувствовала. Это было ее спасением. Потом, когда все кончилось, все разошлись по домам, она приехала на дачу и отдалась своему горю. Возможно, это была не лучшая идея – приехать именно на дачу. Многое здесь напоминало об отце, и Катя растравила себя. Дорыдавшись до судорожной икоты, она принялась убирать остатки ботвы, сгребать листья, укрыла виноград. Попробовала перекапывать огород, но быстро устала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.